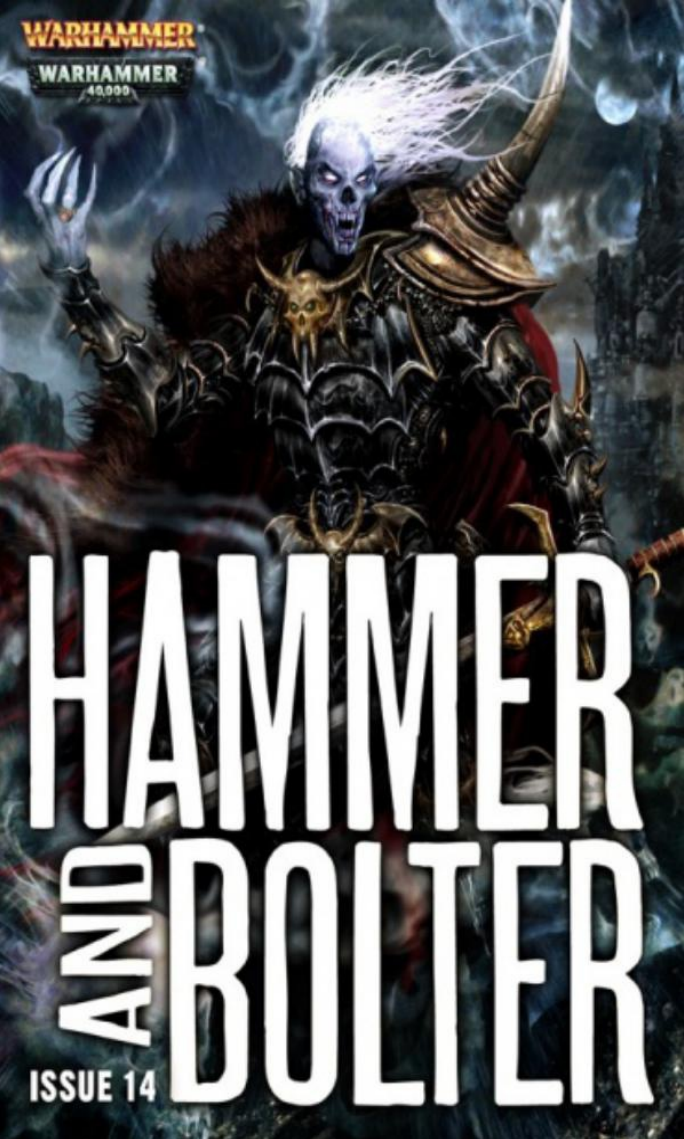

The background of the cover is a dramatic illustration of a Chaos Lord, a powerful and terrifying figure in the Warhammer 40,000 universe. He is depicted as a purple-skinned skull with glowing red eyes, wearing ornate, dark armor with gold accents and a large, flowing red cape. He has long, white, wispy hair and is holding a golden, curved horn-like weapon in his right hand. The background is a dark, stormy sky with swirling clouds and a full moon. In the bottom left corner, there is a small logo for 'WARHAMMER 40,000'.

WARHAMMER

WARHAMMER
40,000

HAMMER AND BOLTER

ISSUE 14

ОБЖИГАНИЕ

Изложенные здесь события происходят по
в р е м е н и т е ж д у «Саламандрой» и
«Огненным

драконом», первыми двумя романами
трилогии Тома Огня. В этом цикле
костические десантники

из ордена Саламандр пытаются
разгадать тайны, окружающие их орден.

СНАЧАЛА БЫЛА ЖАРА, потом
ощущение перемещения и необычайной
невесомости, когда его тело

ускорялось в овлажном воздухе. Кожа
покрывалась каплями горячего пота,
превращавшегося в

пар при каждом движении. Затем
толкнуло следовала боль,
сосредоточенная в углах агонии,

бурявших его лицо, возбуждая каждое
нервное окончание. Действительность
представлялась

серией вспышек: свет, тьма, потом жар и
следом краснота.

Потрясённый он опрокинулся на спину. От

жесткого падения в воздух взметнулось
густое облако

серого пепла. Кашляя, он пытался не
задохнуться. Огонь, огонь в глазах. Хлопья
золы залепляли

и х, вызывая зуд и жжение. Он пытался
протереть их. Слышались приглушённые
голоса, но

разобрать что-либо было невозможно.
Запах был сильным. Пахло...

Обжиганием.

Одно короткое мгновение ясности, и он
понял, что это была его собственная
плоть. Его пальцы...

Они не кажутся толстыми... они меньше и не
такие сильные.

...были в каких-то миллиметрах от краёв
его обуглившейся кожи, когда сильная рука
схватила его.

- Н е н а д о , - предупредил голос.
Приглушённость ослабила настойчивость,
которую он пытался

передать. Голос был низким и глубоким.
Он был наделён легко распознаваемыми

элегантными

интонациями, казавшимися абсолютно неподходящими.

-- Что... что случилось?

Мой голос... странно, звучит как будто из
глотки кого-то другого. Нет силы, нет
резонанса.

-- Сутеречные призраки, -- ответил тот
другой, он всё ещё не мог разглядеть его,
глаза различали

лишь размазанные пятна света и тепла, и
как будто этого было достаточно, -- Мы
должны идти.

Давай, поднимайся.

-- Я ничего не вижу.

Такой малодушный, такой слабый и... и...
мертвый. Это не мой голос.

-- Увидишь. Подожди чуть-чуть.

Сильные руки схватили его за плечи и,
подхватив подмышки, рывком поставили
его на ноги. Лёгкий

ветерок оставлял на языке резкий привкус
серы. Зрение постепенно возвращалось.

На горизонте возвышалась гора огня, её
вершины, подававшие свой голос прятником
из глубины

недр, окутывало пирокластическое облако.

Мне это знакомо. Я родился на ...?

Перед ним простиралась бескрайняя
пепельная равнина, серая словно могила, с
разлетающимися

как от кремнированной кожи хлопьями
пепла. Вдвигавшаяся вдалеке гора, не
обращавшая ни

малейшего внимания на своих меньших
братьев и сестёр, протянула свои
кражистые пальцы,

чтобы поколебать алое небо. Облака
раскалённого газа растекались по тверди
небесной, словно

пятна свежeproлитой крови. Стекавшая
по горному склону лава образовывала так
походившие

на вены огненные дорожки, скапливаясь в
гигантском лавовом озере, отдалённом от
горы на

многие километры.

Пепел, горы, пламя - - это было адское место, такое, куда для вечных мучений после смерти

попадают грешники. Это был красный мир, исполненный лавовых рек и бритвенноострых скал,

серных морей и ущелий, заполненный бьющим огнём. Мир был просто запретным.

Одна нога стеньяла другую.

Раньше я был сильнее...

Его ноги скорее двигались сами собой, нежели благодаря его усилиям. Они бежали, когда он

вновь заговорил.

-- Я умер?

Я переродился ?

Другой повернулся к нему, черты его проявлялись из молочного тумана медленно

восстанавливавшегося зрения. У него было иссеченное плечеными шрамами лицо. Он был

стуглым, в руке держал глинное копье.

Даже, несмотря на чешуйчатую шкуру,
обмотанную

вокруг его тела, и грубые сандалии на
ногах, он выглядел диким, но в то же время
благородным.

-- Нет, Дак'ур, -- произнёс он удивлённо, --
Это Ноктюрн.

Дом...

...

ПОЗАДИ СЕБЯ ДАК'УР услышал
медленно приближающееся жужжание и
стрёкот турбин. Он не

смел обернуться. Во время панического
бегства удалось краем глаза разглядеть
тёмные орудия и

длинный гудящий двигатель. Нос
заканчивался зазубренным шипом, борта
были утыканы

лезвиями, и он парил, будто бы сам воздух,
вьющийся вокруг, поддерживал его.
Металл стергел,

влажный и горячий, оставлял за собой
шлейф едких миазм. На платформах,
расположенных с

каждой из сторон его чёрного фюзеляжа, находились... демоны, чёрнокожие демоны.

Другой привёл его к узкой теснине, сбежать вниз по склону вулканической породы, петляя между

пышущими паром гейзерами. Это было тяжело выполнить, даже пешком, даже налегке без брони

или каких-либо приспособлений...

Я потню свою броню.

...однако гул турбины не отставал.

Сутеречные призраки были терпеливыми охотниками.

Я знаю их под другим именем.

Дак'ур слышал их пронзительные крики -- ж у т к и е сверхъестественные вопли, нараставшие в

предвкушении убийства.

- - З а тной! - - крикнул другой. Дак'ур на какое-то мгновение потерял его из виду в дыму,

клубившемся над скалами. Он пытался не отставать, сердце безумно билось в его грудной клетке...

Почему у меня только одно?

...но другой был слишком быстрым. Он знал эту местность. Дак'ур чувствовал, что тоже должен

был бы, но всё это казалось каким-то далёким воспоминанием, как будто не его собственным.

Стараясь не высовываться и чувствуя резкие порывы ветра, вызванные вражеским огнём, Дак'ур

перекатился через скальный выступ.

Оказавшись на той стороне, он обнаружил, что другой пропал. Он вошёл в густое облако дыма,

поднимавшееся над одним из кратеров, и больше не появился. Дак'ур боролся со своим страхом,

удерживал его в узде.

Но ведь я не должен знать страха...

Запаниковать сейчас означало неминуемую смерть. Он даже не мог разглядеть охотившихся на

него хищников, однако чётко себе представлял те жуткие тучи, которые

они могли ему

причинить.

Я видел затученных или, освежёванных и
насаженных на пики...

Прорываясь через кольцо дыма, Дак'ир
закрыв глаза. Сильные руки бесцеремонно
схватили его и

рывком утащили в темноту глубокой и
незаметной расщелины.

Другой был тут, прижимая палец к своим
загорелым губам.

Н е ч т о б о л ь ш о е и стремительное
протелькнуло и т о , невообразимым
образом пронесся в

горячем воздухе и пронзив дымовую завесу,
подобно зазубренному ножу, проходящему
сквозь

податливую плоть.

Прошло три секунды, прежде чем гул
двигателей сменился рёвом взрывов,
разорвавших парящую

машину на куски и поглотивших в своём
огне её дьявольских наездников.

Другой зачлнюлюкал, потрясая своим

глинным охотничьим копьем.

Дак'ур обнаружил у себя в руках изогнутый лук. Ему были знакомы его формы. Это было его

оружие.

И в то же время не его.

Взяв стрелу и натянув тетиву, он последовал за грузим к месту крушения.

Из облаков дыма и непла выскакивало всё больше стуглых воинов. Многие были вооружены

прекрасно выкованными мечами. У некоторых были даже глинные ружья, из которых они

стреляли на бегу, упирая приклады себе в плечи.

Сутеречные призраки свисали из искореженных обломков своей парящей машины. Вблизи она

напомнила Дак'уру ацербийский скиф, только глинное и утыканный лезвиями. Череп и другие

гротескные атлеты болтались на шиповатых цепях, опутывавших

металлический корпус

машины.

Наездники были облачены в какую-то чёрную броню, напминавшую своим видом сегментированный панцирь гигантского насекомого. Они не были демонами, но всё же имели

демонический вид, настолько порочными были. Они были высокими и гибкими, утыканными

такими же острыми шипами, что и их корабль. Их глаза светились жаждой убийства, словно угли пылающего костра.

Я знаю этих тварей, и всё же они не...

Некоторые были мертвы ещё до того, как копья, стрелы и мечи покончили с остальными. Убитые

гнили и разлагались прямо на глазах у Дак'ура, их броня ржавела на горячем ветру, словно была

создана из металла, невероятно быстро превращаясь в прах. Их тела превратились в пенел, оставив

после себя лишь серый налёт. В конце от них не осталось ничего, что могло бы указать на то, что они были здесь.

Дак'ир опустил свой лук, слишком ошеломлённый, чтобы стрелять. Да и бойня уже закончилась.

Другой подошёл к нему, вытирая со своего копья пепел и ржавчину и хмурясь.

-- Брат...

-- Да, у меня много братьев, но ты -- не они.

-- С тобой всё в порядке? -- другой подошёл ещё ближе. Дак'ир почувствовал его руку на своём

плече и только сейчас понял, что сам тоже был одет в шкуру и сандали.

-- Я... я не...

Это не моя броня.

Другой жестом предложил ему сесть на близлежащий камень.

-- Всё ещё потрясён взрывом, -- произнёс он скорее для себя, -- Это я. Н'бел.

Я уже слышал это имя раньше. Оно очень древнее .

Дак'ир посмотрел на него, и их глаза встретились, и его чувства внезапно обострились. Имя

резонировало, но он не знал почему.

-- Брат... -- повторил он и сжал руку Н'белы в воинском приветствии, -- я знаю тебя.

...

ЭТО БЫЛ «ДРИГНИР» -- огненная ящерица, одна из многих, живущих на вулканических равнинах

Ноктюрна. Подвид саламандр, меньший родственный гигантских огненных драконов,

устраивавших себе логова глубоко в горах, поближе к жару лавы. Это Дак'ир вспомнил, пока

ждал кузнеца.

Носившаяся меж камней ящерица пристально на него уставилась. Её глаза горели огнём, освещая

ониксовую торгу. За исключением тонкого голубого позвоночного гребня её чешуя была

абсолютно чёрной.

-- Чего тебе надо, маленькая?

-- Постарайся, чтобы другие не услышали, что ты разговариваешь сама с собой, -- рядом возник

Н'бел, что-то несший в руках, -- они и так уже сомневаются в честности изнейца, -- Н'бел

склонился над ним и похлопал по плечу, -- но не я, брат.

Дак'ур кивнул в ответ на братский жест другого ноктюрийца, такой знакомый и в то же время

такой странный. Он и раньше сталкивался с предвзятым отношением к своему происхождению с

Изнеи.

Это было в другое время, сказанное кем-то другим.

Когда он снова посмотрел на камни, григнирра уже не было. Возможно, ящерица вообще была

плодом его воображения, у него проскочила мимолётная мысль, что, может быть,

сомневающиеся

в нём могли быть правы.

-- Вот, -- Н'бел протянул серебряную маску,

-- Пиркинная плоть, -- пояснил он, когда

Дак'ур взял

маску в руки, -- она ускорит заживление.

Кузнец, бритоголовый, широкоплечий воин

с перекрещёнными н а з р у д и руками,

бугрившимися

железными мускулами, одобряюще кивнул

за его спиной. В отличие от других воинов

племени у

кузнеца з а спиной висел большой молот.

Н а е з о т е л е б ы л и б е л ы т неплот

нарисованы знаки,

изображавшие наковальню и кузнечные

инструменты. Его кожа была ещё темнее,

нежели кожа

Н'бела, а в блестящих глазах светился

огонь самого солнца.

Глаза огненные... Кожа чёрная как сталь...

Дак'ур надел маску. Она закрывала только

половину его лица, израненную, но он сразу

почувствовал, как боль отступила.

Моё лицо горело, когда я услышал, как они
выкрикивают его имя.

-- Моя кожа... -- произнёс он, только сейчас
сообразив, что его кожа была гораздо более
светлой,
чем у Н'бела.

- - Ха! Непел Узнеи. Пещерный житель
меньше видит ноктюрнского солнца, --
Н'бел выглядел

озабоченным, -- Дак'ур, ты уверен, что с
тобой всё в порядке?

-- Слегка дезориентирован. Что стало с
призраками?

Н'бел задумался.

-- Ушли, -- он показал рукой на равнину, где
собрались несколько воинов. Один из них
был

облачён в одеяния из чешуи с маской
искалящегося ящера. Он размахивал
изогнутым посохом,

увешанным кривыми острыми клыками и
отсечёнными хвостами ящериц. Его
мускулистый торс

был защищён нагрудником из костей

крупных рептилий. Остальные, не
отрываясь, смотрели, как
он поднимал пригоршню пепла, пробовал
его, нюхал, высыпал обратно, а потом
повторял всю
процедуру заново.

— Но шатан найдёт их след, — добавил он
сурово, — Земля никогда не лжёт.

...

НА НОКТЮРНЕ ЗЕМЛЯ и её народ были
единым целым. Планета была суровой
хозяйкой, мир,

исполненный огня, способного разрушить
всё и вся и погубить бессчётное
количество жизней. Во

время Сезона Испытаний планета
трещит и ломается, проливая свою кровь
и лавовые слёзы,

угрожающие поглотить своим пламенем
всё живое, цепляющееся за её скалистую
шкуру. Но

земля давала с такой же щедростью, с
какой брала. Всё было заключено в большой
круговорот

рождения, смерти и перерождения.
Огненная мать, переменчивая Ноктюрн,
забирала тебя назад,

прижатая к своему сердцу и груди. Жизнь
заканчивалась в огне; и в огне же
зарождалась.

Возрождение б ы л о о б ы ч н о й стороной
племенной культуры Прометейской Веры.
Ничто,

родившееся и умершее н а Ноктюрне, не
пропало по-настоящему. О н о просто
менялось,

перерождаясь во что-то новое.

Я «ещё»? Я переродился в незнакомом
теле? Мои кости были как железо, моя
кожа -- как сталь.

Я был неуязвим. А теперь... теперь...
только обжигание.

Связь шатана с землёй была сильна,
безусловно сильнее, чем у любого из
окружавших его воинов.

Хлопья непла, тлеющие кратеры, даже
песчинки земли -- все они разговаривали с
ним на только

одному ему понятном языке.

Дак'ур ехал в глинной колонне воинов племени, сидевших верхом на заврохах.

Покрытые чешуёй, быкоподобные заврохи были известны своей медлительностью и спокойным

нравом. Однако они были сильными и выносливыми, с толстой шкурой и могли перевозить

тяжёлые грузы на очень большие расстояния. Мигрирующие племена пепельных кочевников,

сторонящиеся Пристанищ, пересекали Шлаковую пустыню на их широких спинах.

Я парил в небесах на крыльях грома...

В кроваво-красном небе кружили дактилиды. Крылатые ящеры и шёпот земли привели шамана к

ржаво-красному с серыми прожилками горному хребту. Вереница заврохов начала медленно

подниматься по склону, и на вершине цвета запёкшейся крови они нашли остальных сутеречных

призраков. Вопивших, кричавших и
стесавшихся своими пустыми голосами,
устроив настоящую

какофонию. Тяжёлая и гнетущая
атмосфера висела над всеми наездниками.

Дак'ир не мог вспомнить путешествия,
хотя и помнил гризнирра, смотревшего за
ним из темноты

пещер или с вершин вулканических
холмов. Тот не отставал -- ни проводник,
ни хищник, а просто

наблюдатель, которого то и видеть
только он. Казалось, что взор ящерицы жёг
самую его душу,

вырывая сокровенные секреты его разума.

Предсказатель, псайкер... Я знаю тебя,
брат. Твой взор... обжигает. Я обжигаюсь.

-- Нападает с трёх сторон, -- Н'бел
объяснял план остальным. Он спешил и
палкой набросал на

земле примерную карту лагеря, менее
двух десятков воинов собралось вокруг него.
Н'бел потанил

Дак'ира приблизиться к кругу

собравшихся.

-- Брат? -- озабоченность на лице Н'бела читалась также ясно, как и его почётные шрамы.

-- Я в порядке, -- Дак'ур кивком попросил продолжать.

Н'бел бросил на него ещё один взгляд, а потом продолжил.

- - Т р и з ү б ц а, - - о н показал пальцами трёхзубец, -- с востока и с запада в качестве отвлекающего

манёвра. Третий, маленький, зайдёт с севера, то есть, оттуда, где мы сейчас находимся.

Дак'ур, не отрываясь, разглядывал глубокую долину, у подножия хребта, представляя путь,

нарисованный Н'белом на земле. Он изобиловал многочисленными утёсами и скалистыми ямами.

Земля от стекавшей с близлежащей кальдеры ещё кудрящегося вулкана лавы и поднятого в воздух

горячего пепла раскалилась докрасна.

Я проходил через огонь. Я чувствовал, как
он бьётся в моей груди. И этим огнём я...

Остальная

часть литании забылась. Обжигание... оно
затуманивает мой рассудок, путает мои
мысли.

В нагирголы располагался
окружённый колючей проволокой и
заострёнными лезвиями

лагерь. Остроконечные строения, не
больше, чем простые металлические
шатры, были сплошь

исписаны диковинными символами. Сами
инопланетные буквы то же были
заострены, как будто

одно их произношение могло поранить
язык говорившего. Здесь же было несколько
низко

паривших машин, таких же, как та, что
лежала сейчас разбитой на пепельных
равнинах. Огни

были привязаны к окровавленным
железным пикам, с другими развлекались
наездники, носясь по

периметру лагеря. Удалека были видны крохотные фигурки, безавшие перед ними машинами,

преследовавшие их словно свора голодных хищников.

Одного темнокжего ноктюрнийца, сильно хромавшего, сучеречный призрак, словно на вертел,

насадил на своё копье, Дак'ир даже отвёл глаза в сторону. Наездники издевательски кричали в тон

с воплями своих жертв, пародирова их трагические тужки.

Это был невольничий лагерь и, судя по большому количеству металлических шатров,

заполнивших дно долины, рабов было очень много. Дак'ир насчитал пятнадцать «палаток».

Невозможно было точно определить, сколько их было в клетке колючей проволоки. Из общей

массы выделялся большой шатёр, находившийся в центре лагеря.

Н'бел собирался освободить свой народ.
Парящая машина, попавшая в засаду на
пенельной

равнине, специально была заманена в
ловушку, чтобы по тянущемуся за ней по
земле следу они

могли найти это жуткое место. Они с
Дак'уром были приманкой, рана на его
лице...

Обжигание...

...было платой за такую храбрость.

Дак'ур знал это, несмотря на всю свою
обрывочную память, ощущение
непохожести, и не только

в отношении самого этого места, но и
времени.

-- Дак'ур...

Он повернулся и увидел отблеск
солнечного протуберанца. Это блестящее
меч с ярким зубчатым
лезвием.

Я знаю этот клинок... Нет. Я знаю очень
похожий на него. Какую смертельную
симфонию поют

его ценные лезвия.

-- Ты обронил его на пепельной равнине, брат. А воин хорош лишь настолько, насколько хорошо

его оружие.

Прозвучало как будто от кого-то, кого я знал, кого-то, плечом к плечу с кем я сражался когда-то

давным-давно... или буду сражаться ещё когда-нибудь.

Дак'ир кивнул и снова оглядел долину. Порочные развлечения призраков окрашивали землю

глубоким артериальным цветом. Серный ветер теперь имел тяжёлый медный привкус.

-- Н'бел, с кем я еду?

Вот так лучше. Это уже похоже не меня самого, возвращается былая сила...

Н'бел подъехал к нему на своём заврохе. Они стояли практически на самом краю, ещё шаг и они с

Дак'иром понесутся вниз по каменистому склону.

-- С северной группой, -- улыбнулся он, но улыбка получилась невеселой, -- Поедешь со мной, брат.

...

ОНИ ОСТАВИЛИ ЗАВРОХОВ в сотне метров от лагеря, пройдя их пешком. Дно долины было усеяно

каменьями и глубокими расщелинами, кривившимися серным дымом. Здесь было предостаточно

мест, в которых можно было прятаться от взоров часовых сүтеречных призраков. Земля и народ

Ноктюрна были едины, сливаясь в одно целое подобно тому, как огонь в плавлении объединяется

с камнем.

Дак'ур послал звонкую стрелу в шею одной из тварей. Она упала, схватившись за своё продырявленное горло. Когда они с Н'белом добежали до сражённого сүтеречного призрака, тот

уже превратился в иссохший скелет.

-- Почему они высыхают так быстро? --

прошипел он.

Потому что они на самом деле не здесь...
«Сфокусируйся на обжигании. Используй
его». Это не

твоего слова в моей голове...

Н'бел покачал головой.

— Не важно как много ты убьёшь, в лагере
всегда будет столько же. Если бы такое
было возможно,

то я бы сказал, что они не могут
умереть, потому что они не совсем
живы.

И ты тоже, мой брат...

Второй часовой упал, сражённый
брошенным копьём. Появилась ещё одна
пара ноктюрнийцев и

тут же снова скрылась меж окутанных
дымом скал.

Сердце лагеря было совсем рядом. Они уже
преодолели внешние границы и теперь
приближались

к металлическим тентам. Солнце висело
очень низко, и по пустыне расползлись
длинные красные

мени.

Дак'ур собирался уже пойти вперёд, когда снова увидел гризнирра. Ящерица сидела на

высушённом каркасе тела сүтеречного призрака, торгая своими огненными глазами.

— Почему ты следишь за мной?

Она смотрит прямо в твой разум... мой разум. Я чувствую... обжигание... Вулкан, дай мне силы.

Облако пепла, поднятого внезапным порывом ветра, накрыло гризнирра. А когда пепел осел,

ящерицы уже след простыл. Поставив новую стрелу на тетиву, Дак'ур двинулся дальше.

Шесть ноктюрийцев бесшумно крались по лагерю сүтеречных призраков, потихому убивая

попадавшихся часовых и охранников. Остальные твари, утомлённые своими зверствами, дремали,

одурманенные расставленными по всему

л а з е р ю н ы л а ю щ и м и жаровнями,
күрящимися

наркотическим дымом.

Когда ноктюрнийцы добрались до первого
из тенгов, раздался предостерегающий
крик.

Это другие группы начали свою атаку. С
востока и запада наездники н а заврохах
напали на

призраков, отвлекая на себя всё их
внимание.

-- Теперь быстро, -- прошептал Н'бел,
устремляясь к тенгу, согнувшись в три
погибели.

Дак'ур не отставал от него ни на шаг.

Н'бел жестом направил Дак'ура к
следующему тенгу, но схватил за руку
прежде чем Дак'ур успел
уйти.

-- Что?

-- Вот там ты найдёшь то, что ищешь, --
Н'бел указывал на большое строение в
центре лагеря, -- Он
ждёт.

-- Кто, брат? Кто меня ждёт?

Я чувствую его гнилое дыхание, чувствую его на своей щеке, не смотря на обжигание...

Твой враг

здесь.

-- Мой враг? А как же люди? -- Дак'ир пытался освободиться, но Н'бел не отпускал его.

Сутеречные призраки заметили какое-то движение и начали приближаться между строений

лагеря.

Н'бел улыбнулся.

-- Мы мертвы, Дак'ир. И уже очень-очень давно. Теперь иди, брат! -- с этими словами он оттолкнул

Дак'ира, который споткнулся и чуть не упал.

Он хотел, было, обернуться и потребовать объяснений, но над головой уже со свистом резали

воздух ружейные залпы. Острые осколки вспахивали землю и кромсали стену ближайшего шатра.

Дак'ир собирался выстрелить и з л у к а в
ответ, но увидел ещё одного сутеречного
призрака,

направлявшегося к нему, а затем ещё и
ещё одного.

До большого шатра было рукой подать.
Дак'ир бросил лук и устремился к нему со
всех ног.

Завывание оружия сутеречных призраков
резало уши. К нему примешивалось
громкое скучение

гибнущих ног огнём заврохов. Где-то
неподалёку взорвалась парящая машина.

-- Мы мертвы, Дак'ир, но ты всё ещё жив.
Беги! -- Н'бел во весь голос кричал ему в
след.

Дак'ир не оглядывался.

О г л у ш а ю щ а я б о л т е р н а я стрельба
грохочет в ушах. Я внутри своего
металлического кокона,

несусь к планете внизу.

Путь к большому шатру внезапно был
преграждён сутеречным призраком. Её
скрытое под маской

лицо было глинным и продолговатым, сужаясь и переходя в заострённые шипы на подбородке и

лбу. Солнце играло на зажатых в её руках жуткого вида лезвиях, окрашивая их в цвет крови. Она

злобеще улыбалась, гибкая и смертоносная, с телом гимнастки и непоколебимостью палача.

С диким рыком и гритасой ненависти, скривившей её коралловые губы, выдвигавшиеся в прорези

маски, она кинулась на Дак'ира.

Он резко полоснул мечом по земле, подняв в воздух облако тлеющего непа. Призраки зашипела,

когда горячие хлопья золы обожгли её лицо, но это не остановила её.

Дак'ир почувствовал удар по рёбрам, и тёплая кровь заструилась по его боку. Они фехтовали как

два дуэлянта, высекая искры своими клинками.

Я должен контролировать своё дыхание,

и забывать технику, освоенную в
солитории. Но

сердца бьются в такт с вибрациями боя.

Сутеречная ведьма снова бросилась на
него, наотмашь рубя сразу двумя своими
клинками. Дак'ур

парировал, и зов всех сил отбиваясь от
сверкавших лезвий. Нинок в живот
заставил его кубарем

покатиться по горячему песку и влететь
внутрь шатра.

Острые углы боли пронзили его тело. Он
как будто горел в огне.

Должен... сражаться... Обжигание... оно
поглотит меня, если я не буду.

Дак'ур выждал несколько мгновений в
темноте шатра, следя за просветом входа
и ожидая

появления своего врага. Но ведьма так и не
появилась. Он был один.

Воздух имел странный запах, как будто
шатёр находился глубоко под землёй,
приторно пахло

сажей и копотью. Когда его глаза

привыкли к темноте, Дак'ур протянул

руку, чтобы дотронуться

до стенки шатра, в любое мгновение,
ожидая укола каким-нибудь шипом или
колючкой, но вместо

этого поверхность оказалось похожей на
камень. Стены были неровными, грубо
обтёсанными и

горячими на его осторожную ощупь.

Ощущение было титаническим. Пока он в
темноте прощупывал себе дорогу, стены
снова

поменялись, став гладкими и холодными,
как и положено металлу.

Не было никаких пленников или
смертельных призраков. Однако Н'бел
употинал о каком-то враге.

Внутри шатёр оказался больше, чем
выглядел снаружи. В самой его глубине
Дак'ур разглядел

трон и фигуру, восседавшую на нём,
точнее силуэт настоящего великана, если
он не ошибался,

закованного в броню.

-- Эй, иди сюда! -- вызвал гиганта на бой
Дак'ур, размахивая своим мечом.
Фигура на троне не пошевелилась ни на
йоту.

-- Если ты мой враг, сразись со мной.
Опять ничего.

Дак'ур начал подбираться поближе.

Краем глаза он заметил какое-то
движение... мелькнули глаза рептилии,
голубой гребень на
спине. Но когда Дак'ур повернул голову,
гризнирра уже не было.

Он наблюдает, даже сейчас... когда меня
обжигает.

Фигура на троне издевалась ним, Дак'ур
был в этом уверен. Он вырежет-

Брошенное копье пробило дыру в стенке
шатра, и внутрь проник луч света. Он
осветил фигуру на

троне, которую теперь стало хорошо
видно. Броня сидевшего была испещрена
выбоинами и

трещинами, как будто была изъедена
коррозией или-

Луч мелты режет по виску. Я ничего не
могу сделать, даже когда он касается
моего лица...

Броня была сильно повреждена, большая
часть краски сошла, но, Дак'ур видел, что
она когда-то

была покрашена в зелёный цвет. На
раздробленном нагруднике воина
красовались языки пламени,

обратлённые п а р о й к р ы л ь е в . Из
расколотых латных перчаток торчали
голые костяшки его

пальцев. Покрытые густой паутиной рёбра
проглядывали через рваные дыры в
нагруднике. С того

м е с т а , г д е к о г д а - т о д а в н ы м - д а в н о
находился боевой ш л е т , н а Дак'ура
установился скалящийся
череп.

Одно слово, итя, трепетало на губах
Дак'ура, пока он шаг за шагом
приближался к покойнику в
силовой броне.

-- Ка... Ка...

Он был моим капитаном. Моя вина даёт ему форму в этом месте.

Дак'ир был менее чем в полуметре -- «Ка... Ка...» -- когда мёртвый воин протянул свои костяные

руки и схватил его за горло.

- - Дай... - - прошептал мертвец, называя себя и проклиная Дак'ира за свою гибель, хотя его

скалящийся рот даже не пошевелился.

Да, это было его имя. Я не могу его забыть.

Дак'ир задохнулся. Он пытался отогнать от себя костяные пальцы, но они не поддавались. Кровь

стучала в висках, он чувствовал, как его глаза вылезали из орбит, когда мозг начал испытывать

кислородное голодание.

Обжигание... Используй его!

Он должен был глотнуть воздуха, чтобы не оказаться задушенным жутким живым мертвецом.

Именно в этот момент он заметил, что

воздух исчезал и зномя, жадно
поглощаемый

языками пламени, окутывавшими его
тело. Его обжигало, и пламя было таким
мощным, что уже

добралось до его нервных окончаний,
угрожая лишить его сознания.

Хватка скелета ослабла.

Дак'ир сделал глоток воздуха, разлепив
потрескавшиеся от жара губы.

— Что происходит?

Дай нам обжечься. Отдайся пламени. Оно
подчинится тебе.

Огненные языки превратились в ревущее
всепоглощающее пламя. Мощными
волнами оно с

оглушительным шумом низвергалось с
тела Дак'ира. Скелет перед ним в одно
мгновение

превратился в пепел, хотя сам Дак'ир
оставался невредим.

Боль навалилась на него, заставив упасть
на колени, пока пышущее во все стороны
пламя

распространялось дальше, пожирая шатёр
и расплавляя металл. Плата вырвалось
наружу, словно

раскалённый г о б е л а с т е р ч . Щ у р я с ь о т
слепящего солнца, Дак'ир наблюдал, как
плата

охватывало весь лагерь. Его братья
бросились бежать, спасаясь от
наступающего огня, но ни один

н е с т о г с п а с т и с ь . Н ' б е л п о г и б с а м ы м
последним, истошно вопя, п о к а о г о н ь
пожирал его плоть,

обнажая кости и превращая человека в
чёрную тень на выжженной земле.

П л а т а в ы р в а л о с ь и з п о д е г о к о н т р о л я ,
превратившись в о г н е н н у ю б у р ю ,
поглотившую сначала

всю равнину, а потом одной гигантской
волной накрывшую весь Ноктюрн. Когда
оно, наконец,

обратилось на Дак'ира, он запрокинул
голову и закричал.

...

У Д А Р Н А Я В О Л Н А З А С Т А В И Л А

Пиррилл пошатнулся. Он стоял в
костровом зале глубоко под
горной вершиной Огня Смерти. Сжав руку
в кулак, Пиррилл раздавил небольшую
фигурку

гризнирра, теперь охваченную пламенем.
Он поспешно возвёл психический щит, от
который тут

уже разбились мощные огненные волны. В
самом центре бушующего пламени была
едва различима

скорчившаяся фигура, однако вопли
Дак'ура слышались очень отчётливо.

Всполохи белого пламени осветили
библиария, они терзали на его голубой
силовой броне и

многочисленных тистических
артефактах, прикованных к ней. Плащ из
драконьей чешуи,

наброшенный на его плечи, трещал и
сворачивался от буквально осязаемого
жара.

На лбу библиария выступили крупные
капли пота. Он чувствовал, как горячие

солёные ручьи

стекают по его щеке. Никогда ещё он не испытывал такой нагрузки, никогда ещё не видел такой

мощной реакции на обжигание. К своему ужасу он ощутил, как к границе психического барьера

начали трещать под напором огненного потока. Он попытался укрепить их, но обнаружил, что у

него больше не оставалось сил.

— О, Вулкан... — выдохнул он, заклиная своего притарха, и его мольба была услышана.

Из пламени бушующего огненного шторма появился Магистр Вель'кона, его глаза светились

лазоревым светом. Силовая броня, насколько можно было судить в этой буре, была гораздо более

древняя, чем у Нуриила. Она была увешана чешуйчатыми шкурами и костями рептилий сродни

тому, как было принято у шаманов

древнего Ноктюрна.

Вместе с абиблиария отбросили
огненную стену назад и удерживали, пока
она практически не

сошла на нет, превратившись во всего
лишь несколько струек дыма. Опалённый
кратер окружал

скорчившегося Дак'ура. Он был обнажён,
его покрытое шрамами тело тлело и
дытилось. На его

лице гневно светился жгучий шрам,
оставшийся в наследство от луча желты,
задевшего его на

Стратосе. Он являлся физическим
напоминанием того, чем он отличался от
своих рождённых из

огня братьев. Обжигание разрушило его
броню, превратив её в пепельный налёт,
покрывавший

всё его тело.

Несмотря на то, что он сидел на
корточках: его голова была прижата к
грудь, а руки охватывали

согнутые ноги, Дак'ур был без сознания.

Костровой зал был полностью сожжён, и его стены толстым слоем покрывала сажа.

Здесь, кроме

голого камня и противовзрывных дверей, запечатывавших вход, и раньше практически ничего не

было, теперь же оставались только почерневшие от огня стены. Чистое пространство оставалось

лишь там, где стоял Нуриил. Воздух был обжигающе горячим и сильно пах серой.

Пепельный кокон, заключавший в себе Дак'ура треснул, и он повалился на землю.

Вель'кона невозмутимо оглядел будущего лексиканца.

-- Он пережил обжигание.

Это не было вопросом, но Нуриил всё равно счёл необходимым ответить:

-- Да, -- он всё ещё никак не мог отдышаться, после перенесённого напряжения.

-- И? -- Вель'кона обратил свой пронзительный взгляд на второго библиария. Темнота законченной

комнаты, казалось, сгущалась вокруг него, скрывая и делая его фигуру едва различимой.

-- Невероятная сила, подобной которой я никогда не встречал.

Глаза Вель'коны светились в темноте подобно глут ярчайшим сапфиром.

-- Её можно контролировать?

Нирил снял свой шлем, обнажив покрытую потом голову. Она была буквально мокрой. Только

сейчас лазоревое платье стихало в его красных как угли глазах, такова была сила, которую ему

пришлось призвать. Нирил ответил тихим голосом:

-- В этот раз он не смог.

-- Спаситель или губитель... -- пробормотал Вель'кона, -- Ноктюрн на грани... Низкорождённый, от земли, пройдёт через врата огня.

Нирил выглядел озадаченно.

-- Магистр?

-- В Томе Огня рассказывается многое, --
произнёс Вель'кона, направляясь к выходу
из зала.

Е т у пришло съ выпустить заряд
психической энергии, чтобы раскрыть
сплавившиеся воедино

металлические противовзрывные двери.

-- Многое, но не всё. Кто может сказать,
какова будет роль изнейца в грядущем
переломе? Его

пламень может тизнуть и угаснуть, а
тоже разгореться с о невообразимых
размеров. Большая

часть пока не ясна, но я чувствую
приближение того, кто может поточь нам
в нашем понимании.

Пирил надеялся на более прямолинейное
объяснение, но уже давно научился не
задавать лишних

вопросов о сути причудливых выражений
Главного библиария Салатандр.

-- Каковы будут дальнейшие приказания,
магистр?

-- Продолжай обучать его.

-- А если он снова потеряет контроль?

-- Сделай, что должен, -- голос Вель'конья
прозвучал из темноты за пределами
обожжённого зала, --

уничтожь его